

В соответствии с этим варианты фразеологических единиц (ФЕ) как наиболее сложных в структурном отношении образований включают преобразования единиц иерархически низших уровней системы. Фонетические, морфологические, словообразовательные, лексические, синтаксические изменения в составе ФЕ создают разные виды фразеологической вариантности.

Наиболее распространенным видом преобразований являются взаимозамены в компонентном составе ФЕ. Лексические замены, видоизменяя означающее ФЕ, преимущественно не нарушают тождество означаемого. Это объясняется тем, что для языковых знаков, в том числе ФЕ, характерен асимметричный дуализм, который допускает независимые изменения каждого из планов (выражения и содержания) по отношению друг к другу или их одновременное варьирование. Лексические субституции, не вносящие изменений в план содержания ФЕ, создают варианты, тождественные в семантическом и стилистическом отношениях и взаимозаменяемые в любом контексте. При этом говорят об одностороннем варьировании означающего ФЕ. Ср. *гнуть спину / хребет / шею; закидывать / забрасывать удочку*.

С другой стороны, лексические замены могут вести к некоторым изменениям коннотативного аспекта значения ФЕ, которые тем не менее не нарушают ее значения (денотативной и сигнификативной соотнесенности единицы) и значимости (соотнесенности с другими единицами системы). Такие преобразования рассматриваются как двустороннее варьирование означаемого и означающего единицы. Ср.: *накладывать руку/лапу; идти/лезть/переть на рожон*. Главными в значении ФЕ являются денотативный и сигнификативный аспекты, по ним определяется семантическое тождество единицы. Коннотативный аспект, включающий экспрессивные, эмоциональные, стилистические особенности, не является релевантным при определении семантического тождества.

Таким образом, варианты — это такие разновидности фразеологизма, которые при наличии формальных изменений и возможном несовпадении в стилистической и/или эмоционально-экспрессивной окрашенности сохраняют семантическое тождество. Формальные модификации ФЕ, в отличие от слова, могут касаться любого компонента, так как в их структуре отсутствует семантический стержень, равнозначный корневой морфеме (ср. понятие вариантов слова у А. И. Смирницкого). В многочленных ФЕ варьируются иногда все компоненты: *не слышать/не чувствовать земли/ног под собой/под ногами*. В таком случае фразеологизмы, полностью различающиеся лексическим составом, переходят в разряд синонимов. Это свидетельствует о том, что между вариантностью и синонимией нет коренных различий. Варианты ФЕ при возможных лексико-семантических преобразованиях обладают частичной материальной общностью, которая для синонимов не является обязательной.

Е. А. ДМИТРИЕВА

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СЕМЫ В КОНТЕКСТЕ МЕТАФОРЫ-ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ

Сущность метафоры-олицетворения заключается в преобразовании пропозиции с активно действующим лицом таким образом, что аргумент предиката (субъект-человек) замещается неодушевленным предметом или явлением; при этом в высказывании сохраняются признаки одушевленного субъекта — человека, животного, птицы.

Своеобразно используется троп метафора-олицетворение в лирике С. Есенина. В качестве субъекта в высказывании, содержащем метафору-олицетворение, выступают 153 существительных определенных ЛСГ — 'Родина', 'растения', 'абстрактные понятия', 'конкретные предметы' и некоторые др. Часто сложность образа не допускает его однозначного опре-

деления. Субъект тропа может выражаться и одним словом и словосочетанием.

Метафора-олицетворение «вводит» лексему в семантические поля идиолекта, связанные с одушевленным субъектом. В контексты тропа включаются дополнительные семы, называющие признаки человека или животного, птицы, т. е. кроме семы 'одушевленность', добавляются такие конкретизирующие семы, как 'способность совершать целенаправленное действие', 'общаться', 'любить' и т. п. В одном контексте могут дополнять друг друга значения «человек как тело» и «человек как душа» (по А. Вежбицкой): И дремлет Русь в тоске своей веселой, Вцепивши руки в желтый крутосклон.

Атрибуты одного семантического поля национального языка могут входить в разные поэтические семантические поля, и лексемы разных лексико-семантических полей национального языка могут образовывать семантическое поле идиолекта. В докладе анализируется поле, объединенное образом ветра.

Дополнительные семы в тропе выполняют функцию индивидуализации предмета описания, что особенно важно в поэтическом тексте.

В. Б. ЖУРАВЕЛЬ

О ФОНЕМАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ НЕКОТОРЫХ ЗВУКОВЫХ ЕДИНИЦ БЕЛОРУССКОГО И БОЛГАРСКОГО КОНСОНАНТИЗМА

Сопоставительное исследование белорусского и болгарского консонантизма осложняется отчасти тем, что в лингвистической литературе по-разному решается вопрос о составе согласных фонем как белорусского, так и болгарского языков.

В белорусистике дискуссионной является фонематичность [ǰ], [ɣ] взрывного, мягких заднеязычных, [ɣ'] фрикативного, [к'], [х'] и твердой аффрикаты [дз]. Если рассматривать фонему как единицу звукового строя языка, существование которой не обусловлено позицией, то следует признать, что [ǰ] в белорусском языке не является самостоятельной фонемой, поскольку его появление здесь позиционно обусловлено. Так, позиционная мена [в]—[ǰ] наблюдается перед согласными (*травa — траǰка, галава — галоўка*). В данном случае [ǰ] выступает как вариант фонемы [в]. В случаях типа *хадзіў — хадзіла, жыў — жыла* [ǰ] является вариантом фонемы [л]. Иногда в доказательство фонематичности [ǰ] приводятся минимальные пары типа *колка — коўка, палка — Паўка*, однако они, как представляется, не совсем показательны, поскольку в абсолютно сильной позиции на месте [ǰ] «проявится» основной представитель фонемы [в] или [в']: *коўка — каваць, Паўка — Павел*. Таким образом, нет оснований считать [ǰ] в белорусском языке самостоятельной фонемой.

Очевидно, можно говорить об утрате фонематичности [ɣ] взрывным в белорусском языке, поскольку наблюдается тенденция замены [ɣ] взрывного на [ɣ] фрикативный при произношении слов с заднеязычным взрывным (таких, напр., как *гузік, ганак*), поэтому сила фонологической оппозиции [ɣ] взрывной — [ɣ] фрикативный чрезвычайно мала.

Особое место в белорусском консонантизме занимают мягкие заднеязычные. Специфика этих звуковых единиц состоит в том, что они встречаются в немногочисленных словах иноязычного происхождения, и в белорусском языке отсутствует лексический материал, где бы обнаруживалось абсолютное тождество позиции мягких и твердых заднеязычных согласных (т. е. нет минимальных пар). Однако, по мнению некоторых исследователей, для доказательства фонематичности звука достаточно и частичного тождества позиции. Именно такой случай наблюдается в парах [к]—[к'], [ɣ]фрик.—[ɣ']фрик.: *кахаць — кяхта, готы — Гётэ* и др. Думается, что в данном случае можно говорить о потенциальной фоне-